

Привет

привет

что делаешь?

читаю

о чем?

про любовь

что-то
новенькое?))

Юлия Яковлева
Азбука Любви

азбука?))

учебник!))

мне не надо,
я уже все знаю

никогда
не поздно
пересмотреть

тебе
понравился мой
подарок?

а где он?

в коробке, на
столе!

эй, ты чего
молчишь?

Сообщение не доставлено

шуток не
понимаешь!

Сообщение не доставлено

Откуда берутся
дети?

Котлеты и суп
на плите, что за
вопросы?

Кроссворд, 6
букв

Иван Тургенев. «Первая любовь»

Дети иногда берутся через дырку в заборе.

Забор соединял две дачи и упирался в общую стену. Там росла ель, и мальчик легко спрятался под ее густыми ветвями. Потом устал ждать и замерз, ведь летом по ночам бывает прохладно. Он перебрался в развалившуюся оранжерею. Оттуда хорошо просматривался весь соседский сад и дом, где жила девушка. Мальчик уже знал, что она его не любит.

Ему было всего шестнадцать, и, по правде сказать, ему не с чем было сравнивать: он любил впервые. Но все же, когда тебя не любят в ответ, это чувствуется и без всякого опыта. Мальчик не ошибался. Он чувствовал, что она любит другого.

Этого другого он сейчас пытался выследить в ночном саду. Треснул сучок. Послышались шаги. Мальчик подобрался. Он готов был выскочить перед соперником и... Он не очень представлял, что надо сказать и сделать (вот для такого обычно нужен опыт). Но был готов на все. Луна осветила фигуру. Мальчик обмер: это был его собственный отец.

Со взрослыми обычно невозможно нормально разговаривать. Это вы и сами знаете.

Родители бывают трех видов.

1) Застенчивые. На все вопросы они бодро докладывают главу из учебника биологии: о размножении растений, насекомых, в крайнем случае — животных. А потом кичатся своей смелостью.

2) Противно застенчивые. Лепечут что-то про аиста, капусту, магазин, где продаются братики и сестрички, или семечко, которое папа посадил в животик маме, — бе-е-е-е-е! За кого они нас принимают?!

3) Непобедимо застенчивые мычат: «Вырастешь — узнаешь». Так что ни у одного нормального ребенка язык не повернется мучить их дальше.

А потом наконец к вам во дворе однажды подходят нормальные взрослые люди лет семи-восьми и объясняют, как все есть на самом деле. (Со слов других взрослых, лет двенадцати.)

И потом еще месяц не верится: неужели же и мама с папой этим занимаются?! Не может быть.

Всегда очень неприятно, когда твои родные взрослые ведут себя как все обычные люди. Вот так я однажды застучала бабушку: она с аппетитом наворачивала шоколадные конфеты. Сперва повыбирала и съела трюфели. Потом — с орешком наверху. А потом — сливочную помадку. Мы с братом осудили ее поведение. Что она — бабушка! — может в этом понимать?!. Нелепо. Дико.

Но в XIX веке, когда Иван Тургенев написал свою повесть «Первая любовь» и еще примерно двенадцать томов, детей из дворянских семей не выпускали побегать во двор. А если выпускали, то с няней. Ребенок подрастал. Его выпускали с гувернанткой (если это была девочка) или с гувернером (если мальчик). Как правило, воспитатель был иностранцем. Тогда ребенок запоминал, например, что нельзя ковырять в носу, а также эту фразу на английском, французском, немецком или на всех трех языках сразу. На каверзные вопросы воспитатель бойко отвечал: «Я плёхо понимать руськи». И только когда подопечному исполнялось пятнадцать-шестнадцать лет, гувернера увольняли. Зачем воспитатель взрослому человеку?

Хотя, конечно, язык не повернется назвать его взрослым. Ни на одном из доступных языков. Что он знал о жизни? Если его воспитатель был человеком дела, то — ничего.

Он ни разу не ел песок. Не ставил кошке клизму.

Не кидал камнями в окно. Не лазил воровать яблоки. Не знал, что слезать с дерева гораздо труднее, чем залезть. Что разбитое колено лечится, если поплевать и приложить только что сорванный подорожник. И что тихий час в детском саду лучше всего провести, рассматривая по очереди, что в трусах у других девочек и мальчиков (тайком от усталой воспитательницы). Он вообще не знал, что там у других детей!.. Кстати, если вам интересно, то в XIX веке девочки и мальчики носили панталоны.

Конечно, ваши мама с папой дорого бы дали за то, чтобы вы тоже всего этого не знали. Взрослые иногда удивительно немудры!

Ваши шелковые сверстники из XIX века вызывают у них завистливый вздох. Дворянские дети много читали. Учились музыке. Разбирались в искусстве. Прекрасно говорили на иностранных языках.

Но в жизни, к сожалению, приходится все делать самому. Включая ошибки.

Неправда, что только дураки учатся на своем опыте. Если учиться на чужих ошибках, не научишься ничему, кроме злорадства.

Вот об этом и написал свою повесть Иван Тургенев.

О том, как мальчику исполнилось шестнадцать, гувернер уехал, и это его первое лето на даче.

Первое взрослое лето. Три месяца ужасных открытий, которые перевернули жизнь. Тургенев даже думал поначалу назвать повесть «Первый класс», но отказался: в этом заглавии некстати звучало что-то железнодорожное.

Тогда все билеты на поезд были первого, второго и третьего классов — смотря по удобству вагона. Тургенев часто путешествовал.

«Первая любовь» у него начинается так. Якобы собралась компания и давай вспоминать, кто и как впервые влюбился. Ну и один со своей историей отодвигает собеседников в сторону на весь вечер: я да я... Вам такие люди наверняка в поездах тоже попадались. Их гложет какая-то тайна. Ближнему другу не расскажешь. Стыдно. Неизвестно, какие выводы он сделает. Может, передумает дружить дальше. Да и просто прочесть у него на лице «Я от тебя такого не ожидал!» тоже неприятно. А вот случайному человеку люди смело открывают душу. На следующей остановке он исчезнет из вашей жизни навсегда. А вы — из его.

Конечно, мир тесен. Но на этот случай есть железная отговорка: «Это было не со мной, а с одним моим знакомым...»

В этом XIX век от нашего ничем не отличался.

Во времена Тургенева поезда ходили на паровых двигателях. Так что, когда поезд трогался, людям в ваго-

нах приходилось отряхивать сажу с белых шляп и быстро закрывать окна.

А дорога предстояла долгая даже между Петербургом и Москвой. На целый роман.

Купе между Петербургом и Москвой тогда были сидячие, по два места друг напротив друга. Попутчики тщетно старались поджать ноги или засунуть под диван — они все равно упирались Тургеневу в колени: он был очень высокого роста, и в купе сразу делалось тесно, даже если он просто сидел.

Тургенев мог угостить сигарой, любезно положить в чай сахару. Но поболтать с попутчиками, увы, не мог: он уже был знаменитым писателем, и его узнавали в лицо. Ему слова не давали вставить. Как видели, что в купе сам Тургенев, так сразу: «Вот послушайте, с одним моим другом случилось однажды...» В надежде, что он введет это потом в свой новый роман.

Тургенев был вежливый человек. К тому же легко отключался от любого шума. Назойливый голос превращался в уютное жужжание. Дорога приятно убаюкивала. На стыках рельсов вагон потряхивало; попутчикам же казалось, что это Тургенев одобрительно кивает. «А вот еще был случай... — опять оживлялись они и добавляли, кашлянув: — Но тоже не со мной». И так всю дорогу. Тургенев использовал этот прием в «Первой любви». Взрослых вообще легко вывести на чистую воду.

BLA BLA BLA ...

Вопросы и ответы
НА ОБЩЕ

А тех, что считают себя неглупыми и хитрыми, — еще проще. Спросите любого прямо про первую любовь. Взрослый сделает загадочное лицо: мол, времена были далекие и прекрасные. А толку не добьетесь.

Поэтому я пошла в обход. Я спросила всех своих друзей: «Хотели бы вы, чтобы вам снова было пятнадцать лет? А двадцать?» Это тот возраст, когда большинство серьезных вещей, включая любовь, с людьми случаются впервые. «Боже упаси!» — вскрикивали они. Как будто я уже держала эти пятнадцать или двадцать лет наготове.

Женщин еще можно было уговорить снова взять себе тридцать. Но мужчины спускаться ниже тридцати пяти отказывались категорически.

Никто не хотел снова любить в первый раз.

Тургеневу было сорок два года, когда он написал повесть «Первая любовь». Те далекие события давно превратились в шрам. Но у писателей, как правило, отличная память.

Как блестели перстни на руке, которая передавала чашку чая. Как блестел сад после дождя. Как полосатый котенок сидел на полу, беспомощно расставив лапки. Видно, события того лета глубоко врезались в душу.

Если и в сорок два года он помнил такие детали, представляете, какая это была боль — если что-то врезалось так глубоко?!

Но когда Тургенева пробовали разговорить напрямую, он только улыбался: «Ну что вы, просто я уже немолод». Намекая, что вся эта история не имеет к нему лично никакого отношения, просто у людей с возрастом иначе работает память. Человек вдруг вспоминает, где забыл зонтик тридцать лет назад, но не может сказать, кто звонил вчера. И тогда уж собеседник не мог не воскликнуть: «Ну что вы! Какой же вы старик!» Тургенев кокетливо улыбался. Он любил комплименты. И разговор переходил на более приятную тему. Его большой рост. Раннюю седину, которая подчеркивала молодой взгляд. Или красивые кисти рук, удивительные при столь могучем телосложении.

Толстой и Достоевский, когда это слышали, просто плевались. Как все нормальные люди, Тургенев ни за что бы не хотел снова пережить тот кошмар или хотя бы признаться в нем друзьям.

Главного героя «Первой любви» зовут Володей. А не откровенно Ваней. Дело происходит жарким летом. Но это потому, что первая любовь всегда сопровождается высокой температурой. Даже если на дворе зима.

И даже если солнечный день, влюбленному все равно кажется, что он заблудился в темноте.

Как понимать? Что делать? Что думать? Только переставешь стесняться и делаешь что-нибудь, как уже снова стыдно — за то, что сделал.

Что значит эта улыбка?

Смеется?

Надо мной?

Почему идет мимо?

Почему идет ко мне?

Чего хочет?

Я ей нравлюсь?

Или просто шутит?

Придет?

Или обманет?

Почему молчит?

Не любит?

Любит другого?

Кого?!

Обычно оказывается, что кого-нибудь из параллельного класса. Но такие вещи всегда хочется знать наверняка. Вот почему Володя, не совершивший в жизни еще никаких полезных ошибок, оказался в ту ночь возле оранжереи.

Уточните у мамы, болели ли вы ветрянкой. Очень хорошо, если да. Сами вы это вряд ли запомнили.